

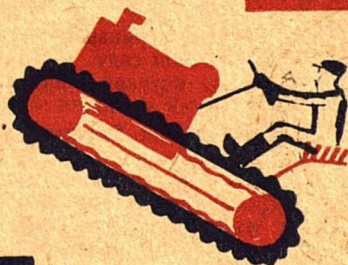
3.7-д
154

нравств

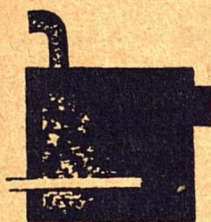


Е. ТАРАХОВСКАЯ

МИТЬКА



И



НАУКА

РАССКАЗЫ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1926**



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МЛАДШИЙ И СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

Акульшин, Р. Охотники. Рассказы. Рисунки А. Рыбникова. Обл. И. Француза. Стр. 37. Ц. 20 к.

Два живых рассказа о деревенских ребятах, охотниках и воспитателях зверков. В рассказах много юмора.

Ауслендер, С. Малыши. Рассказы. Рис. З. Гурвич. Стр. 32. Ц. 50 к.

Несколько маленьких рассказов из жизни детей в семье, в детском саду, в детском доме. Рассказы правдивы, современные, живы.

Барто, П. Толстуха Куцая. Карт. Л. Бруни. Ц. 40 к.

Рассказ о жабе и о детях, наблюдающих ее и полюбивших это уродливое, но полезное существо.

Написано просто, тепло, полно любовью к животным.

Жук, Ольга. Новые огни. Стихи. Рис. И. Рерберг. Стр. 24. Ц. 30 к.

Ряд стихотворений из жизни новой деревни—прилет самолета, проведение электричества, лыжи, коньки, пионерская жизнь,—все это дано в легких звучных стихах.

Мексин, Я. Стройка. Карт. К. Кузнецова. Одиннадцать песенок. Стр. 32. Ц. 50 к.

Автор задается целью дать ребятам почувствовать человеческий труд, затраченный на постройку их детского дома. Землекопы, каменщики, маляры, стекольщики—целый ряд рабочих, кончая монтером, ставящим телефон, проходят в звучных строках небольших стихов.

Дом построен, и дети поселяются в нем с песнями. Обильные яркие иллюстрации—украшение книги.

37-0
154

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
МЛАДШИЙ И СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

✓
✓
ЕЛИЗАВЕТА ТАРОХОВСКАЯ

T-192

МИТЬКА И НАУКА

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ
В. ВАСИЛЬЕВА



Дом № 57 комн. 47

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Инв. № 500

ШК. Т-19

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А.О.Р.

Библиотека

Инв. №

Общ. № 2875



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД



24688

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА~~

672549 Кх-рег.

Российская государственная
детская библиотека

КАК МИТЬКУ ОТ БЕШЕНСТВА СПАСЛИ

Жарило во всю. Бабы и мужики работали на поле. В деревне было пусто и тихо. Посреди улицы ребята мирно играли в городки: было так жарко, что даже ссориться не хотелось. Знаменитый спорщик и игрок в городки — Митька — лениво бил палкой по чуркам. Играли молча.

Вдруг вдалеке послышался не то хрип, не то вой. Огромная, кудлатая собака, с разинутой пастью и высунутым языком, мчалась прямо на ребят. Ребята бросились в рассыпную, кто куда.

И Митька прыгнул в сторону, но повернулась нога, и он упал. Поднялся было, да налетела собака, сбила Митьку с ног,хватила его за ногу — раз — другой и помчалась дальше. Лежит Митька — не встает: от боли, а больше с перепугу.

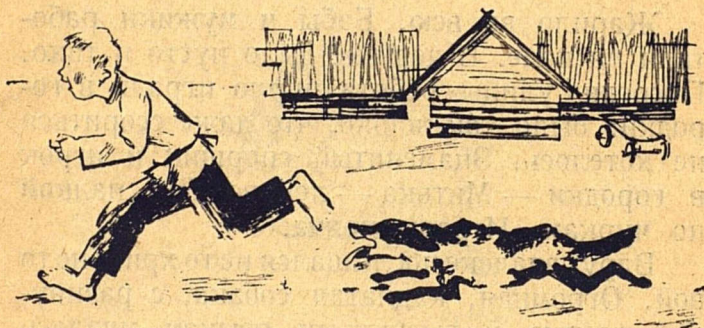
Слышит крики:

— Бешеная! Бешеная! Стреляйте! Бейте ее!

Потом пальнуло из ружья, и все стихло.

Открыл Митька глаза: стоят возле него ребята да сторож из школы. Подняли Митьку, и заковылял он к больнице, к докторше Ольге Николаевне.

Ольга Николаевна рану обмыла и перевязала — рана была неглубокая. В это время прискакал с поля отец Митьки (видео



ребята оповестили его), а докторша строго так и говорит ему:

— Нужно в город ехать — прививку сделать!

Отец ругаться начал.

— Какая там еще прививка, когда на поле работа стоит!

Тут Ольга Николаевна еще строже объявила:

— Не сделаете прививку, взбесится ваш Митька и умрет, потому что яд бешен-

ства попал ему в рану через слюну собачью.

Нечего делать, поехал через несколько дней Митька с отцом в город.

Подъехали к большущему дому. Вывеска наверху — золотыми буквами написано:

— Пастеровский Институт.

А что за слова такие — ни отцу, ни Митьке невдомек. Вошли в дом. Внутри все белое, как снег: и стены, и потолки, и халаты на докторах и докторшах. Стоят шкапы и столики белые. А на одном столике: ножи, ножички, ножницы, щипцы, иголки, крючки разные страшные — блестят, как серебряные.

Попал Митька к докторше в белом халате и белой косынке. Докторша веселая и толстая. Посмотрел на нее Митька — и сразу не так страшно стало. Улыбнулась докторша ласково и говорит:

— Ты не бойся, это не больно.

Потом велела Митьке живот заголить, взяла ватку, обмакнула ее во что-то пахучее, потерла ваткой этой Митькин живот, взяла иголку длинную со стеклянной трубочкой, набрала в трубочку жидкости какой-то, и... Тут Митька глаза крепко-накрепко зажмурил и только собрался крикнуть... но не успел; кольнула его докторша в живот и говорит:

— Готово, одевайся!

«Вот так штука: и скоро и не [больно совсем!]



— Значит, можно в деревню обратно?

А докторша ему:

— Ишь, скорый какой !Будешь ходить на уколы ко мне целую неделю.

Прожил Митька в Москве целую неделю. Чего только он не перевидел за это время! И мавзолей Ленинский, и стену зубчатую кремлевскую, за которой самые главные коммунисты живут, и пионеров с трубачом и барабанщиком с красными платочками на шее! Видал и автомобили, и автобус, и даже на трамвае раза три прокатился!

А каждое утро ходил Митька к докторше на уколы.

Уколов он уже не боялся совсем и с докторшей подружился очень: он ей про городки рассказал, она ему про прививку. Рассказала она Митьке, что если бы не прививка, заболел бы он: не мог бы ни пить, ни есть, при глотании делались бы у него судороги в глотке; потом он сошел бы с ума и умер. Митьке даже страшно стало, и он спросил:

— А теперь я не взбешусь?

Докторша успокоила его:

— После прививки заболеть нельзя!

— А кто прививку эту выдумал? — спросил Митька.

Оказалось, что прививку уже очень, очень давно выдумал французский ученый Луи Пастер. В честь него и прививка и институт называются — «Пастеровскими». Теперь Митька понял, что за слова такие были на вывеске написаны. Через неделю поехал

Митька в деревню и всем ребятам рассказал про то, как его докторша советская и ученый французский от бешенства спасли.

КАК В ДЕРЕВНЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ПРОВЕЛИ

Не успеет Митька из школы домой прийти, смотрит за окном — ночь уже. Засветит мать лампу керосиновую, да радости от нее мало для Митьки. Был он в городе, видел на улицах фонари, а в домах и в вагоне трамвая лампочки, на грушу похожие, внутри груши той — волосок тоненький, как солнце горит! А лампа керосиновая, что!! — свету чуть-чуть, а воздух тяжелый, не доглядишь, коптеть начнет — полетит копоть черная мятелью, а еще боязно очень: — не задеть бы ее как, не смахнуть бы со стола. Загорится скатертка на столе, а за ней и стол и половицы, а там и вся изба полымем вспыхнет!

Но вот стали весной в деревне поговаривать, что скоро власть Советская керосиновые лампы отменит и проведет по избам другой свет — электрический. А что это за штука такая — никто Митьке толком не объяснил до сих пор.

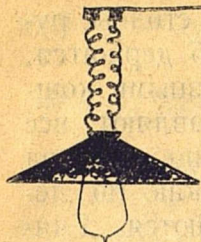
Понаехали из города рабочие, стали столбы высоченные в землю всаживать. Понаставили много столбов; потом надели на ноги крюки железные — «кошкой» называются —

и полезли на столбы: руками за столб держатся, а ноги с железными кошками переставляют все выше, да выше; так на самый верх, как по лесенке взбираются. Глядит на них Митька — глаз не спускает.

А после рабочие стали меж столбами проволоку медную натягивать.

Вернулся как-то Митька из школы, за-





шел в избу — да так и ахнул: висит посреди комнаты лампочка, как в городских домах, ярче солнца горит. От лампочки вдоль стен и по потолку шнур проведен, а на стене у двери — коробочка круглая с ручкой прибита. Подошел отец к коробочке, и весело так:

— Считай, — говорит, — до трех, сынок!

Только Митька «три» сказал, повернул отец ручку, и стало темно, как ночью. Смеется отец:

— Считай, — говорит, — опять.

Сосчитал Митька — и загорелась опять груша стеклянная. Взялся тут Митька сам за ручку, повернул раз — зажег, два — потушил, три — зажег опять. Чудеса — да и только! Стал Митька к отцу приставать:

— Что, да как?



А отец говорит:

— Ты лучше учительницу Веру Николаевну порасспроси, она тебе лучше моего все растолкует.

Плохо спал Митька — снились ему сны электрические: груши и яблоки стеклянные, он их в рот, а они огнем-молнией вспыхивают. На утро сговорились ребята у Веры Николаевны про электричество разузнать. Вера Николаевна пошла к себе в комнату, принесла оттуда красную сургучную палочку и тряпочку суконную, а ребятам велела бумажек мелких нарвать. Ребята рассыпали бумажки по столу, а Вера Николаевна потерла суконкой палочку сургучную и поднесла натертый конец к бумажкам. Повскакали тут бумажки со стола, подпрыгнули и прилипли к палочке! Ребята рты разинули:

— Нешто палочка клеем смазана?

А Вера Николаевна в ответ:

— Не клей бумажки держит, а сила невидимая; чуть потрешь сургучную или стеклянную палочку сукном, так сейчас и появится эта сила невидимая; эта сила и есть — «электричество»!

Митька глаза вытаращил:

— То самое, что у нас в избе лампочку зажгло?

— Что — лампочку! Эта сила не только лампочку в избе, а молнию в небе зажигает! Только дело вот в чем: в прежние времена люди только и знали об этой силе, что она бумажки притягивает, и проку им от этого никакого не было, а теперь они умеют эту силу применять и пользу от нее получать. Теперь есть особые электрические станции — вроде как бы фабрики, где добывают эту силу.

Митька удивился:

— Как же ее там добывают? Суконкой палочки натирают — что ли?

Вера Николаевна засмеялась:

— С палочками, — говорит, — далеко не уедешь, в них и силы-то электрической — только на бумажки хватает; на станциях силу эту изготовляют машины особые, изготовляют сразу помногу.

Тут все ребята разом:

— А как же сила эта со станции к нам попала?

— А вы проволоки на столбах видали?

— Видали, как же!

— Вот по этим самым проволокам и идет электрическая сила со станции по городам и деревням; заходит она по шнуру и в избу, накаляет тоненький волосок в лампочке, вот и горит она, как солнышко!

Ребята приумолкли, задумались. А Вера Николаевна добавила:

— Это еще не все: такая электрическая сила не только свет дает, а плуг и борону тащит, а вот пойдете к Максиму-инвалиду, так он вам расскажет, как она даже цыплят из яиц высиживает! Вот какая штука — электричество!

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ КУРИЦА

Любят ребята с Максимом-инвалидом разговоры разговаривать, про войну империалистическую расспрашивать. Максим-инвалид ногу на войне потерял и два ордена за храбрость получил. Да только от орденов этих радость невелика: новая нога не вырастет! Ковыляет теперь Максим, деревяшкой своей постукивает, к работе полевой совсем непригоден стал! В каких только переделках не побывал Максим! И с врагом сражался, и ногу потерял, и в плену германском целых два года просидел! Сначала его в лагере держали, а потом стали военнопленных партиями на работы полевые посылать, а Максима безногого на легкую работу определили. Служил он на ферме птичьей. Разводили на ферме той на продажу кур, цыплят, гусей, уток, индюков целыми тысячами! Вернулся Максим из плена, жи-

вет теперь в деревне своей, к вечеру на за-
валинке сидит, трубочку покуривает.

Налетели ребята:

— Расскажи да Расскажи, Максим, как
электричество цыплят высиживает!

Смеется Максим:



— То про войну,
а теперь про цыплят!
А вы откуда ж про
цыплят узнали, черте-
нята?

— Нам Вера Нико-
лаевна, учительница,
сказывала!

Вынул Максим тру-
бочку изо рта, об са-
пог свой единственный
ее выбил и говорит:

— Ну, ладно, — го-
ворит, — расскажу вам
про курицу электриче-

скую. А вы мне прежде вот что скажите:

— Сколько под вашу наседку яиц подло-
жить можно?

— Десять, пятнадцать! — выпалил шу-
стрый Митька.

— Вот то-то и оно-то! А моя курица
электрическая сразу 150—200 яиц высижи-
вает!

Ребята так и ахнули:

— Ловко!

А Максим опять свое:

— Ваша наседка когда на яйцах сидит?

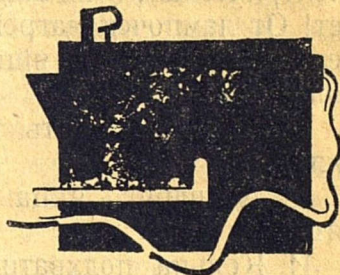
И опять Митька первый:

— Летом!

— А моя электрическая круглый год сидит, только за год-то уж не 150, а несколько тысяч высиживает!

Заготовали ребята, а Максим опять хвастает:

— Ваша наседка нет-нет, да раздавит яичко, а у моей электрической все яйца цельненькие, как на подбор! У вашей наседки на теле вошки водятся и на цыплят переходят, а моя курица электрическая чистая, как стеклышко!



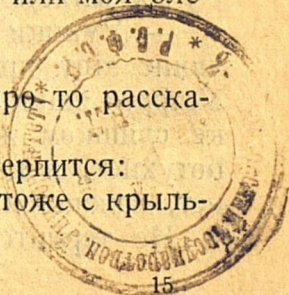
— Ну, так чья ж,—спрашивает Максим,— курица лучше — ваша живая, или моя электрическая?

Тут все ребята хором:

— Твоя! твоя! А ты нам про-то расскажи, как она устроена!

А Таньке конопатой не терпится:

— А твоя курица, Максим, тоже с крыльями и лапками?



Смеется Максим:

— Погоди, узнаешь! А вы ребята про электричество знаете? Откуда оно к нам идет?

— Знаем! Знаем! Нам Вера Николаевна сказывала!

— Ну, так вот, и к нам на ферму шло электричество со станции по проводам, по шнуру проходило оно в металлический ящик и зажигало там лампочки электрические. Вот этот самый ящик и есть моя курица электрическая, и ни лапок, ни крыльев у нее нет! От лампочек нагревается воздух в ящике, нагреваются и яйца, которые мы туда положили!

Тут Митька опять не выдержал, выскочил:

— А вдруг яйца в ящике том сварятся?

И Колька подхватил:

— Из вареного яйца, небось, и электрическая курица цыпленка не высидит!

Ухмыляется Максим:

— Умники — вы! Да только тот, кто ящик этот придумал, не глупей вас был! Устроен ящик так: как только станет в ящике слишком жарко, так одна из лампочек потухнет, а когда опять попрохладней станет, зажжется лампочка сама собой снова!

Не терпится Митьке:

— Значит, в ящике все само собой делается, без человека?

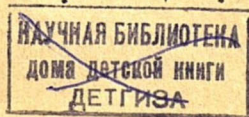
— Ну, нет, — говорит Максим, — было и мне дело: каждый день яйца с боку набок переворачивать, чтобы они со всех сторон ровно нагревались.

Тут Танька конопатая опять с расспросами:

— А твоя курица сколько дней на яйцах сидит? День посидела — и готово?

— На этот раз не могу похвастать: моя курица сидит столько же, сколько и ваша — ровнешенько 21 день; столько, сколько природой на это дело времени положено! Ну, вот — как только вылупятся цыплята, я их мокренких в сушилку переведу; здесь их печка электрическая мигом согреет и высушит! А из сушилки нужно цыплят в «матку» переводить; «матка» эта из трех комнаток состоит: первая — спальня с печкой электрической, вторая — комната для прогулок со стеклянной крышей, третья — дворик с крышей из решетки проволоочной. Здесь гуляют малыши, когда уж немного постарше станут. Так и живут малыши в «матке» недель 6—8, пока из малышей не превратятся в «молодняк».

— Вот вам и все про электрическую курицу! Теперь, когда и у нас в деревне электричество провели, верно скоро и в на-



ших совхозах ящики эти самые («инкубаторами» их зовут) заведут... Ну, а теперь и покурить можно!

И Максим-инвалид закурил свою трубочку.

В ШКОЛЕ

Веселое было лето. Раз по десять на день купались ребята на речке, рыбу удили, в городки сражались, по грибы и ягоды ходили, воробьев и ворон из рогульки били; кто постарше, на огороде работал — отцу с матерью помогал.

А теперь лету конец, пора за учебу браться! Собрались ребята в школе веселые, загорелые. Митька рыжий весь в веснушках, как яйцо кукушечье конопатый, а у Кольки от солнца нос облупился, лезет клочьями. Манька белая, та на солнце совсем полиняла — белобрысой стала. Расшумелись ребята, галдят, как вороны на суку.

Пустовала летом школа, никто не убирал ее, за порядком не следил. Не хорошо здесь сейчас — мусорно, пыльно. Учительница Ольга Николаевна громко поверх галдежа вороньего крикнула:

— Ну-ка, ребята, выбирайте, как в прошлом году, комиссию санитарную, пусть за чистотой следит: чтоб и школа вымыта была, и у вас уши и ногти чистыми были!

Тут все ребята разом выпалили:

— Кольку и Маньку — в санитары!

И руки все до одной наверх взлетели. Колька и Манька первые в школе чистюли, уши и ногти у них всегда в порядке, чистые, как стеклышко.

— Двух мало, третьего выбирайте! — кричит Ольга Николаевна.

Помолчали.

— Рыжего Митьку! — пискнул кто-то неуверенно.

Митька поглядел на свои траурные ногти и сконфузился. Ребята загоготали:

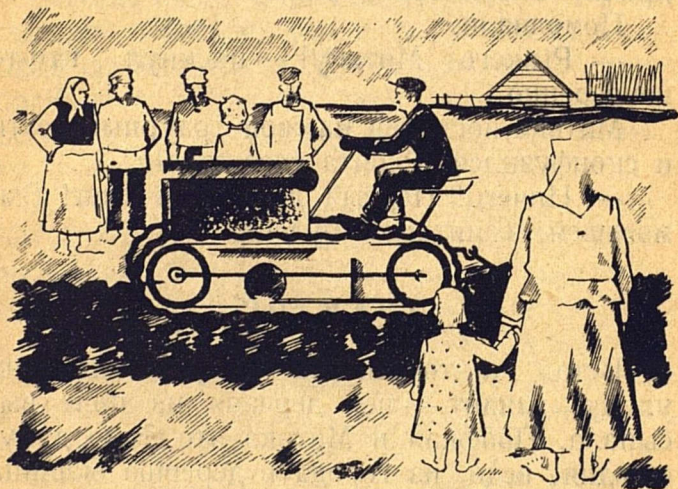
— Ничего! Первый день не в счет! Вымоешься, санитаром будешь!

Т Р А К Т О Р

Встал как-то Митька поутру, вышел на улицу, глядит — вся деревня на поле высыпала. Побежал и Митька что было духу: сегодня, ведь, из города в деревню машина приехать должна! Видит, ползет по полю машина большущая, не впряжен в нее ни конь, ни вол, ходит машина сама собой, да еще плуг и борону за собой тащит. Не на колесах машина, а на двух широких лентах железных с зазубринами — словно две гусеницы цепкие! И управляет сразу и машиной, и плугом, и бороной всего-то навсего

один человек — Митькин дядька — Сергей, что когда-то в городе на заводе автомобильном служил.

Ползет машина-самоход без задержки, без передышки, а где прошла она, там вспахана земля глубоко и ровно (не конному плугу—чета!) Митька — к одному, к другому:



— Как машину такую звать?

А мужикам не до разговоров: сами, разинув рот, на машину любуются. Только старушка Пелагея ему в ответ:

— Трактор — это! Не приставай!

К вечеру вспахал и взборонил трактор целое поле большущее. Вот так машина-

самоход! Вернулся Митька в избу, когда стемнело совсем, и дядька Сергей вместе с ним пришел; набралось мужиков полная изба — все веселые и довольные! А Сергей смеется и говорит: «Рады, небось, что меня послушались и трактор всей деревней купили! Работает машина знатно: в день один все поле вспахала и взборонила, а мы бы над ним с месяц канителились! И мужика и коня от работы освободила!»

Тут Николай — парень горластый — крикнул:

— Правильно! Твоя правда, Сергей!

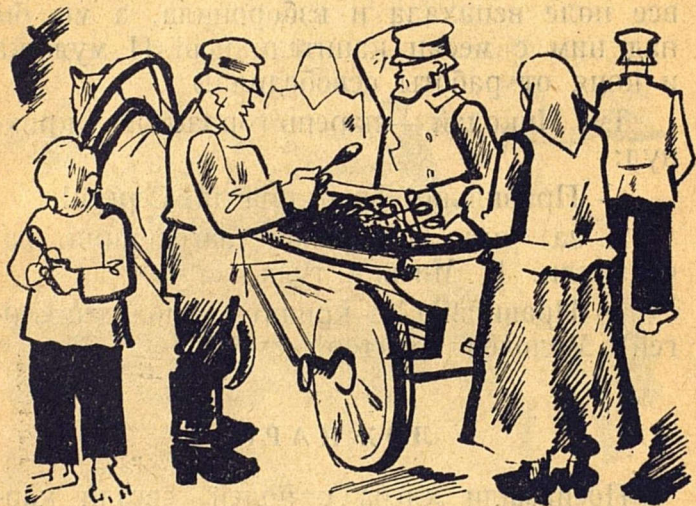
А за ним все разом заговорили, зашудачили. И Митька туда-же:

— Правильно, — кричит, — молодец Сергей! Молодец трактор!

ЛОЖКАРИ

Поснимали хлеба с полей, свезли картошку в город на базар, огороды дочиста обобрали. Вот и Покров день! Полежать бы на печи, да не тут-то было! Принялась вся семья за работу зимнюю — за ложки березовые. Ложку деревянную всякий видал, и хлебал с нее тоже всякий. Хоть с виду она простая, немудреная, а работы с нею по горло — на всю семью хватит!

И ребятам тоже работа: Колька, Митька и Васька из чурбаков березовых ножом острым «баклуши» вырезают (это тебе не бездельничать — не «баклуши бить»!); один конец закруглили, другой с двух сторон срезали, чтоб он потоньше стал. Потом взяли



баклушу и давай ее долотом углублять. Долбят, долбят, словно дятлы длинноносые. Надолбили в день ложек 50, а то и все 100! Ну, а ту работу, что почище и потоньше, ребятам не доверяют; тут уж отец сам: хватит нож длинный и давай закруглять черенок и коковку — шарик на верху черенка; а

углубление, что ребята выдолбили, отец начисто резцом выскоблит. Тут уж и бабам работа. Пришел и их черед. Мать и Наташка станут ложки перебирать — где что неровно, шероховато — острым ножом поскребут.

Вышли ложки — одна в одну — гладкие, светлые! А чтоб они еще лучше, еще краше стали, взяли бабы и раскрасили их. Любо-дорого смотреть!

Свезли ложки на базар; все любят, раскупают.

Недаром мужики нижегородские во всей России — ложкари первые!

КАК В ДЕРЕВНЮ С КАВКАЗА ПИСЬМО ПРИЕХАЛО

Хоть Николай и Тульской губернии уроженец, а привелось ему за тысячи верст от родной деревни очутиться: сражался он во время гражданской войны на южном фронте, да так и остался после войны на Кавказе — в Сухуме. Служит здесь теперь Николай наборщиком в типографии. Природа в Сухуме необыкновенная! Зимы никогда не бывает; круглый год и лес зеленеет, и цветы распускаются, фрукты разные зреют. А вокруг поля чайные и табачные, всего вдоволь! (Только разве рек молочных и бе-

регов кисельных, как в сказке, не хватает!) А все-таки нет-нет да взгрустнется Николаю: там, под Тулой, остались — отец, мать, братишка — Митька, сестра — Марфушка, махонькая совсем!

Соскучился Николай, написал домой письмо длинное, вложил в конверт, адрес надписал, марку наклеил и в ящик почтовый опустил. Пришел почтальон с длинным мешком и все письма из ящика в мешок ссыпал. Понес письма на почту. А на почте уже писем целая гора: другие почтальоны в мешках понатаскали. Стали служащие почтовые письма разбирать: какое письмо в Москву — в одну пачку, в Ростов — в другую, в Тулу — в третью; так все письма по пачкам и разложили. А Николаево письмо в ту пачку, что в Тулу, попало. Взял служащий все пачки и понес их на пристань к пароходу. (Сухум на Черном море стоит.) Вот и пароход! Гудками посвистывает, цепями позвякивает! Погрузили на пароход и персики, и виноград, и кукурузу, и табак, и письмо Николаево вместе с другими письмами на пароход сдали.

Плывет письмо Николаево по Черному морю, из стороны в сторону покачивается. На утро приплыло письмо в Новороссийск. Капитан скомандовал:

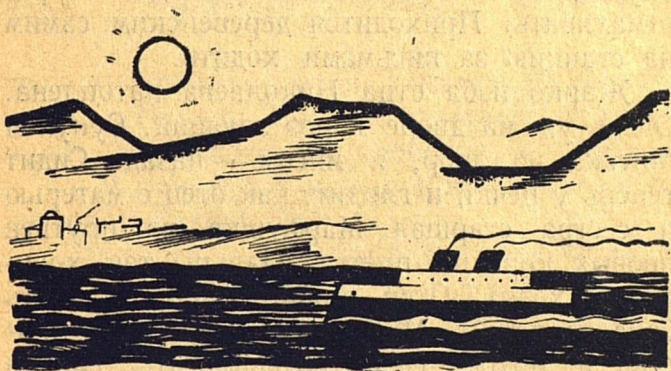
— Отдай якорь!

Пароход пристал к пристани; спустили на берег сходни. Пришли на палубу почтовые служащие:

— Есть почта в Новороссийск?

— Есть! Принимайте!

Отправились письма новороссийские с пристани на почту, с почты их почтальон в сумкой кожаной по домам разнес.



А Николаево письмо с другими письмами с пристани на вокзал отправилось. По морю покаталось, теперь сухим путем прокатиться нужно! Вот и поезд почтовый! Нагрузили полный вагон писем; разложены все письма по пачкам — аккуратно. На каждой станции служащие почтовые за письмами для своего города в вагон заходят. Проездило письмо Николаево трое суток, миновало

и Краснодар, и Ростов-на-Дону, и Харьков, а на четвертый день прикатило в Тулу.

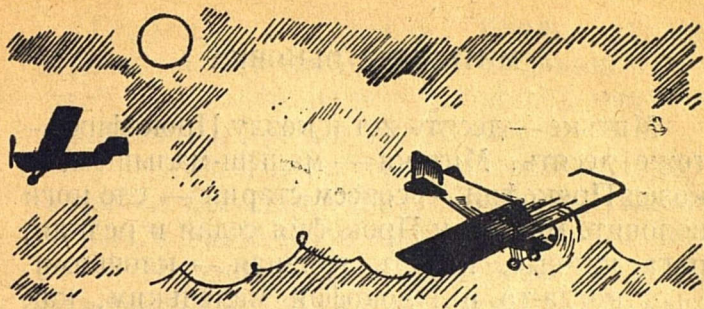
В Сухуме три дня тому назад розы цвели, а в Туле — вьюга, зима настоящая! Тульские письма почтальон по домам разнес; а Николаево письмо не в Тулу, а в деревеньку маленькую под Тулой; туда почтальон не ходит: письма в деревню редки, не дело почтальону с одним письмом пешком пятнадцать верст отмахивать! Приходится деревенским самим на станцию за письмами ходить.

Жарко изба отца Николаева натоплена. Очень уж на дворе мороз злющий. Сунулся Митька на двор, и мигом — назад. Сидит теперь у печки и глядит, как отец с матерью и сестра старшая Марфушка из прутьев ивовых корзины плетут. Пальцы так ходуном и ходят. Отец днище мастерит, мать бока заплетает, Марфушка ручку вьет, пристал и Митька сестренке помогать. Только старый дед на лежанке полеживает.

Работает семья и меж собой разговор ведет, вспоминает сына старшего Николая: далеко он теперь, и писем от него давненько не было. Вдруг стук в дверь. Входит сосед, письмо отцу подает:

— Шел я со станции и письмецо твое захватил.

Всполошились все, прутья побросали, к письму кинулись. Отец откашлялся и



громким голосом стал письмо Николаево читать. Прочли письмо, поохали, повздыхали; отец на печать посмотрел и говорит:

— В три дня к нам с Кавказа письмецо доехало! Ловко!

Тут и дед с лежанки слово свое вставил:

— В старые времена, — говорит, — письмо гонцом слали; шел он, бедняга, и в дождь и стужу, и письмеца такого месяц, небось, дожидаться приходилось! На моей памяти — лет 75 тому назад — возили почту лошадьми ямщики особые, это тоже было дело не спорое!

— А теперь как же к нам письмо приехало? — спросил Митька.

Отец ему в ответ:

— Теперь ездят письма в особых поездах почтовых, и на пароходах плывут, и, говорят, даже по воздуху на аэропланах из одного города в другой перелетают.

МИТЬКИНА ОБНОВКА

Митьке — десять лет и козлу Прокофию — тоже десять. Митька — малыш-малышом, а козел Прокофий — совсем старик — еле ноги волочит. Борода у Прокофия седая и редкая, рога кривые, шерсть грязная — клочьями. Был когда-то и Прокофий маленьким, как Митька; бегал беленьким козленочком, хвостиком куцым помахивал и весело так — ни с того ни с сего: «Мм-э! Мм-э!» И шерстка у него тогда была мягкая и легкая, как пух цыплячий. А теперь козел лежит весь день на солнышке спит и изредка только, когда есть захочет: «Мм-я»... скажет; вот и весь его разговор.

Раз утром собрался Митька к пруду — лягушек бить, а отец вошел в избу и говорит: — Прокофий наш издох.

Пошли смотреть. Митьке жалко было Прокофия, да, сказать по правде, не очень: стар он был, и все давно ждали его смерти. Отец поглядел на Прокофия и говорит:

— Свезу-ка я его в город; за его шкуру, небось, дадут не мало.

На завтра поехал отец в город вместе с соседом на соседской лошади.

И Митьку с собой прихватил — уж очень он просился.

Подъехали к городу. Глядит, глядит Митька: всюду трубы какие-то длинные, а из труб дым валом валит; земля под колесами каменная, и травки нигде нету.

Подъехали к лавке, — продал отец Прокофия и повеселел сразу. Стемнело тем временем, и домой ехать поздно. Сосед и говорит:

— Переночуем у родственника моего, есть у меня такой, на заводе служит.

Поехали. А у Митьки в голове одна мысль: «Что теперь из шкуры Прокофьевой делать будут?»

Родственник соседский Сергей, молодой и веселый (хоть одна рука у него перевязана). Митька смелости набрался и спросил про Прокофьеву шкуру. А Сергей посмотрел на Митьку и говорит:

— Я тебя завтра на наш завод сведу, там ты все узнаешь, молодчик.

Что за штука такая «завод»? Не стал расспрашивать Митька, а пораньше спать залег, чтоб завтра скорей настало.

Встал чуть свет. Сергей по дороге Митьке сказал, что у него рука больная и оттого он не работает, свободен, и может с Митькой походить и ему весь завод показать.

И вдруг увидал Митька большой домище. Если все деревенские избы друг на дружку поставить — один такой выйдет. Это завод самый и есть.

Вошли, а внутри — грохот, треск, лязг. Комната большущая (с поле будет), и стоят в ней высокие бочки. А на полу целые горы шкур — и лошадиные, и телячьи, и еще какие-то незнакомые, каких Митька никогда не видывал. Митька в одну шкуру пальцем ткнул и закричал: «Вот Прокофьева шкура!» А Сергей засмеялся и сказал, что здесь много таких Прокофьевых шкур.

Пришли рабочие, и Митьке показалось, что все они на Сергея похожи и одеты все одинаково. Сложили рабочие те шкуры в бочки и стали туда воду лить. Митька и глядеть устал, а вода все льется и льется, и конца-краю ей нету. Сколько воды на шкуры ухлопали!

Пошли в другую комнату. Здесь нет бочек, а стоят машины — большие и страшные. Внесли рабочие мокрые шкуры и сунули прямо в лапы машине, а она — хватить их! И быстро так — раз! два! — и выжала из них всю воду (как мамка на пруду белье выжимает). Воду выжала и заодно и сгрызла со шкуры весь волос. Выпустила машина из своих лап шкуру, глянул Митька, а это не шкура, а кожа гладкая, как на сапогах у Сергея.

Пошли в третью комнату. Здесь тоже были машины, но без рук, круглые, как катушки, и на эти катушки были натянуты



кожи. Катушки вместе с кожей вертелись быстро-быстро и смачивались каким-то соком; Сергей объяснил Митьке, что кожу смачивают для того, чтобы она была мягче и не пропускала воду. Много комнат обошел Митька.

Зазвенел звонок, и Сергей сказал, что пора домой — время обеда. Теперь Митька знал, зачем нужна Прокофьева шкура. Поехал Митька домой в деревню и рассказал ребятам, как кожу на сапоги делают.

А Прокофьева шкура с завода отправилась к сапожнику. Сапожник сделал из нее сапоги. Много сапог — и большие и маленькие — и снес их в обувной магазин.

Наступила осень, Иван и говорит жене:

— Надо нашему Митьке сапоги на зиму купить.

Поехал Иван с Митькой в город. Смотрят — в окне магазина сапожки стоят. Вошли, примерили. Сапожки в самый раз. Хозяин говорит:

— Купите сапожки, они козловые, первый сорт.

Стал Митька сапожки носить. А они ходят и поскрипывают, важно так, как старый Прокофий: «Ммм-я»!..

Преп. 1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МЛАДШИЙ И СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

Зилов, Лев. Миллионный Ленин. Картинки Б. Покровского.
Стр. 36. Ц. 60 к.

Поэма о двух индусских мальчиках, бегущих в сказочную для них Россию к великому Ленину. После ряда приключений дети попадают в Москву и узнают, что Ленин умер. Их горе умеряется зрелищем тех миллионов, которые хоронят Ленина и воплощают в себе его идею.

Красочно написаны сцены как на Востоке, так и в советских республиках, приключения ребят жизненны и интересны, настроение „Ленина в миллионах“ передается. Стихи звучны.

Клокова, М. Батькин велосипед. Карт. В. Васильева. Стр. 14.
Ц. 30 к.

Рассказ в стихах о деревенском мальчике, потихоньку научившемся ездить на отцовском велосипеде.

Краснощеков, В. Коськин день. Рассказы. Рис. Д. Мельникова. Стр. 48. Ц. 25 к.

Озлобленная, забитая нуждой прачка под влиянием своего сынишки пионера осознала свои классовые интересы, и первое мая становится для нее большим праздником.

Минаев, К. Назарка-Атаман. Рассказы. Рис. А. Баранского.
Стр. 80. Ц. 25 к.

Жизнь крестьянских и городских ребят, полная напора, бодрости, живого отклика на всякие события, ярких переживаний среди природы, в лесу, на речке, на фабричных задворках дает интересную страничку современного быта. Ясно чувствуется непосредственная связь молодого писателя с деревней и с фабричными ребятами.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МЛАДШИЙ И СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

Минаев, К. Городские гости. Рассказы. Рис. А. Баранского.
Стр. 31. Ц. 6 к.

Смычка с городом зажигает искры новой жизни в деревенской глуши.

Особенный энтузиазм вносят в каждое событие ребята.

Несколько таких моментов смычки под углом зрения детских восприятий и составляют содержание данного сборника.

Румшевич, А. Питомцы Майки. Рассказ. Рис. И. Ефимова.
Стр. 32. Ц. 25 к.

Рассказ о собачке, выкормившей медвежат, тигренка и львенка в Зоологическом саду. Написан живо, занимательно, со стороны научной ошибок нет, отвечает большому интересу детей к животным.

Шервинский, С. Наши и чабан. Рассказ. Рис. М. Шервинской. Стр. 16. Ц. 20 к.

Книжка рассказывает живым и простым языком о пребывании в Крыму детской колонии. Здесь показана жизнь детского коллектива и коллективное знакомство с Крымом: Коля, наиболее живой и подвижной член коллектива, знакомится в горах с маленьким татарчком-пасухом (чабаном), отправляется с ним в татарскую саклю, а потом приводит его знакомиться к товарищам. Книжка в общем хорошая. (Книгоноша, № 25.)

ВСЕ ЭТИ КНИГИ

высылает немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА

(Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4 к, Ленинград, проспект
25 Октября, 28 к; Харьков, ул. Свердлова, 14 к.).

При высылке вперед задатка (до 1 руб. можно почтовыми марками)
пересылка бесплатно.